

НА ОТШИБЕ

Артур Тоноян

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Тоноян

На отшибе

<https://litres.ru/74333042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герой этой книги — парень, который очень много думал. Ему казалось, что грязный реализм — это шутка, а он сам умнее и краше всех тех, кого называл мусором. Вокруг него были три его легендарных пацана, и каждый из них был для него особенным. Только в этих трех людях и в веществе он находил свое утешение. Но жизнь писала картину по-своему. Для каждого читателя мысли Левона станут чем-то, от чего невозможно отмыться. Левон ушел в этот ад и хочет увести вас туда вместе с собой. Проведя по всем самым забытым, оскорбленным уголкам своей души и этих грязных московских улиц.

Содержание

На отшибе	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Артур Тоноян

На отшибе

На отшибе

Заснеженные пики гор сворачивались наизнанку, будто бы вжимаясь в основание, на секунду я задумался, а чуть позже ко мне пришло понимание того, что это вовсе не секунда и я опять подвис на одной мысли. Я зависал наглухо, причем как на мысли, так и на каком-то зрительном образе, я видел их везде, даже с закрытыми глазами. Меня ничего не тревожило, мне было хорошо, я был в потоке. Вокруг царило что-то привычное, для одних это был хаос, для других обыденность, я же понимал одно — сегодня пришли мои ребята и мы будем высоко. Без них полет не был бы столь высоким, вечер был бы темнее, ночь угрюмее, а утро смиреннее, мы были большим коэффициентом, большие четыре. Большая четверка. Просто множили друг друга, нас вязало уже только от пары выкинутых фраз, потому что для нас они были искусны до великолепия. Мы знали, что такого никто не выдаст и не поймет, а мы давали, и нам это доставляло. Быть на другой стороне, противостоять чему-то тривиальному — это стимул к движению, собственно мы двигались.

— Лео, ты как?

— Я хотел ему что-то сказать, но не мог. Имел желание, но видимо потерял возможность. И тогда просто соорил гримасу удивленного человека с жестикулирующими руками, точнее просто со взведенными ладонями. Он выкупил в моменте. Это была одна из наших излюбленных зарисовок. Мы переглядывались с Лукой и кидали ее с нарочито серьезными лицами. Это был наш своеобразный ответ на все выбивающиеся из контекста вокруг нас. Когда мы сидим рядом друг с другом и даем оценку стрелкам, которые прошли мимо нас или что-то сказали: "Хмм-м, насколько же сильно они попали?". Зачастую многое зависело от самого персонажа, его образа. Образ мог вытянуть многое, до самого попадания в яблочко. Но учитывая нынешнюю ситуацию, я сообразил какую-то аллюзию от третьего лица. Это был мой ответ на увиденного себя со стороны. Я растекался в пространстве с болтающейся головой. Уже немеющей, но все такой же незыблимой улыбкой на лице и полузакрытыми глазами, чувствуя именно то, того самого удивленного плейбоя со взведенными руками.

— Левон, ты че? Ха-хаха-ахах, ты воо-о-обще угашенный, посмо-оо-о-три — раздался голос Яны.

Какое-то время назад, мы были с ней вместе на кухне, видимо сидели. А что нам еще там делать? Кухня была оплотом серьезности, но мало кто это понимал. Так как в комнате было больше места и можно было даже прилечь, то на кухне оставались лишь мастодонты со стаканом и трубкой в ру-

ке. Было там что-то камерное, такое уютное. Эм-м, да, был и я... курсировавший из одного места в другое. Не сказать, что это было что-то важное, нет, вовсе нет, мне просто время от времени было интересно пройтись, иногда провести определенного человека. А кто собственно вообще запрещал нам это делать? Однако, чаще всего я заходил не в темп, это было немного сумбурно, будто бы чувака танцующего вог под глубокий хаус, в моменте закинули на какую-нибудь бардовскую встречу Тома Уэйтса и... Соска-дурилка, парень, соска-дурилка, мне жаль тех щенков, которые зависимы от этой дряни. Авария, операция... заа-а-просто-оо. Джи-и-г-ги... Ха-а, тебя тут тоже не-ее-т.

Меня хорошо затяну-у-уу-ло, я путался в мыы-слях, а эти до-о-лбанные крики начали выступаа-а-ть на переднем плане-е-е? Не знаю, чтоо-о-о это-о былоо-о, ии-и-х баа-ан-аа-альные вопро-о-осы друг другу были таки-ии-е плевые и такие ваа-аа-жные? Что за фигня. Я слышал как они задают вопросы, рассказывают, отвечают, а это все ни-ии-и о чее-е-е-м. Пустотаа-а-а. Но этого никто не понимал, напрочь. Что вы вообще делаете-ее-е? О чем вы ведете речь? С такой экспрессией, такой прытью, о чем просто? Где зерно-оо-о? Может не хватало зрительного контакта? Нет, скучнооо-о. Они держали хватку плотно, честно, это было отвратительно. Я медленно встал и ушел.

Проходя мимо туалета, я все-таки решил отлить. Ведь попасть на кухню я еще успею, а вот туалет могли взять под

контроль в любую минуту и на неограниченное время, а писать очень хотелось, я долго терпел. И такая опрометчивость могла сыграть со мной неплохую игру, но я был просчетливее. Зайдя на кухню я увидел Ника шныряющего с моей старенькой JVC, он перекачивался, делал развороты, ловил каждое лицо, каждую улыбку или позирование, я остановился в дверном проеме, наблюдая это шоу одного дорвавшегося фотографа. Но он был в огне, он делал из этого буквальный переполох, заставлял посмотреть на это под другим углом. Вводил в состояние аффекта, в аффективное состояние аффекта. Кто-то принес диск 1992 The Prodigy "Experience" и по началу мне было как-то вообще все равно, это была не моя собака, далеко. Этот альбом крутили уже не первый раз за вечер, но только в совокупности с этим безбашенным парнем с камерой в руке, я наконец что-то понял. Не знаю дополнял ли он этот альбом или сам разгонялся от него, но было ясно определено, что если убрать одно из двух, или его или эту музыку, величие этого момента будет развеяно как папиросный дым. В конце-концов очередь не могла не дойти до меня, он начал щелкать меня прямо в проеме, находясь под впечатлением, мне даже начала нравится эта музыка и я пошел в центр на дэнс. Сказать откровенно, я не очень хорошо танцевал, однако это касалось дел незатуманенного сознания, а щас карты сходились, я чувствовал каждый удар, каждый звук, скорость была запредельной, черт, это Prodigy. Черт, это пришибленный камера-мэн... Я перекладывал вол-

ны, они сплетались, одна перетекала в другую и так, дальше, дальше, больше волн. Я тянулся к звездам, тянул их за нити к себе, экзистенциальность моего лица в этот момент зашкаливала, я стоял у порога смысла и как всегда был отвергнут. А потом "бац" вскидывая руки, я начал сжимать и разжимать, делая что-то странное ногами, туда-сюда... "Туц" — Было в моей голове. Растянutosть. Одного "Туц" или "Бац" — хватало с запасом, но это же был сильный перформанс передозировки звуками, их было слишком много и так быстро. Кто-то даже выкривал и подгонял меня под ритм. Через пару минут я наконец сделал конечное движение и закруглился, думая что уже порядком наскучил ребятам сидевшим тут, но Ник был в экстазе, я заметил что он держал объектив только на мне. Однако, когда я услышал, что за столом ребята беседовали о том есть ли дома клей-карандаш, чтобы приклеить сломанный игрушечный револьвер, меня будто облило галлоном ледяной воды, я ретировался с этих стремных полей.

И снова я попался на ту же ловушку. Проходя мимо прохожей где висели куртки, я не мог не взять сигареты из кармана куртки, я же убивал двух зайцев, как тогда с туалетом. Ну, конечно, в этом весь я. Ход, еще ход, потом три выверенных наперед. С пачкой в руке и неплохим интуизмом я подошел к своим мальчикам:

— Хей-й, прошу всех на ночной перекур.

Возражать никто не стал. И вот мы стояли на балконе. Роберт, Тони и я. Убойная комбинация. В каждом из нас был

хороший сгусток свободы, каждый чем-то горел, о чем-то думал и как-то двигался. Мы играли роль отпетых задворщиков, где-то там на отшибе, но с широкой душой и тяжелой мыслью, способной поспорить с теми кто был на "вершине" или считал себя при деле. Являясь для нас обычным пастухом жизни, винтиком пресной системы, спицей дьявольского левого колеса у карета прекрасной принцессы с кочашьими глазами и миниатюрной грудью, которую ведет долбаный извозчик подгоняя двух уставших жеребцов отцовской плетью. Наша сказка была такой. Долой вышкаленных офисных панков, угрюмых работничков, живущих от зарплаты до зарплаты, с какой-нибудь толстой женой и протирающих свой зад каждый вечер на насиженном диване. Нелюбимая работа, нерадивый дом, два выходных в неделю и алкоголь. В их головах было что-то страшное, ты смотрел на них и задавал себе только один вопрос: "А хватит ли мне сил? Или..."

В этом потоке мыслей я зашел далеко, хорошо затянувшись и дежурно улыбаясь на спонтанный и несмешной анекдот про наркомана на кладбище от Тони, я сказал ребятам:

— Как вы думаете, что будет дальше?

— Ну, шас докурим и вернемся обратно, можно во что-то поиграть, как там называлась эта игра где надо угадать загаданное слово?, — сказал Роберт.

— Да, нормально, можно, — пробормотал наш художник Тони.

Меня немного вязало и я не мог их прервать...

— Х-о-о-о-ло-д-н-оо, — дрожа произнес Роб.

— Так возьмите тапочки, алло, — повысил голос Тони.

Да, действительно, ногам на балконе было прохладно. Да, боже, мне было просто наплевать на это. Наконец, я смог что-то промямлить, пытаюсь донести свою мысль до людей, которые не поняли меня с первой попытки:

— Я в целом. Жизнь протекает, ее не повернешь вспять, что собираетесь делать? Обозримое будущее? Мы же не будем торчать до того момента пока не захлебнемся холодной ночью на лестничном пролете?

— Чел, я щас бросаю уник, вот зачем мне все это надо? Лучше принять решение сразу, пускай и на первом курсе. Бледные однокурсники, какая-то нудная староста... Нет перспектив. Я на прошлой неделе делал проект три ночи, представляешь? Я его начертил, сверил, думал ошибок быть не может, прихожу к преподу, показываю ей, а она говорит: "Переделывай, Тони Монтана". Это нормально? Зря приехать в уник, да еще и уехать в таком настроении. Хорошо хоть со второй попытки приняла. Не мое это. Отец, конечно, не будет рад таким новостям, но думаю он поддержит. Он сам через это прошел в свое время, похлеще меня оттягивался. Ну, а дальше рисование, скейт и наше с тобой кино. Да ты же знаешь все это. Только одно плохо, от службы не отверчусь, это уже наверняка. Вот подам документы на отчисление и с повесткой поеду почти сразу, наверное, в осенний и попаду...

— Чувак, ты уверен? Все ли ты взвесил?

Я поддержал. Мое мнение было половинчатым, с одной стороны я понимал Тони и то насколько ему это осточертело. Он был совсем не для этого... совсем. Птица без клетки, даже без намека на это. Но с другой, ведь его ждет нечто еще более нудное? Мыть полы, чистить снег по несколько часов на лютom морозе и мести улицы от сора. Подчиняться и не выделяться — парой слов. Конечно, это был его выбор, мы могли лишь озвучить наши мысли и выразить мнение, надеясь, что он не вычеркнет эти слова из головы спустя пять минут.

— Посмотрим-посмотрим. Незаметно пролетит же время, а дальше все: "Гуляй, мальчик". Реализуем все наши наброски и идеи, Лео. Какой-то годик, с этим ничего не поделаешь. Либо так, либо отдать четыре здесь. Нет уж, я лучше сметаюсь в какой-нибудь городишко и мирно разобью эту обязательку, — сказал он.

Докурив, мы и правда вернулись в комнату. И я начал подбивать Роба, так как он замялся и видимо вообще не хотел отвечать на этот вопрос, но я это заметил. Это было не очень хорошим знаком. Он в последнее время и так был сам не свой. Не было при нем его классических атрибутов. Его устоев. Язвительно острого языка, какой-то жизнерадостности и готовности на необдуманные поступки. А ведь это самое главное в нашем деле, мы старались не нудить. Если кто-то из нас был против встречи или еще чего-то, но другие два

были за, то мы делали это вдвоем. Принцип был в том, чтобы не ограничивать своим отказом большинство, то есть двух. Да, это очень банально, но, когда невольно задумываешься, о женщинах, которые в борьбе за желанного мужчину придерживаются правила: "Либо мне, либо никому", начинаешь понимать, что эта лояльность, которую ты даешь в компании все таки чего-то стоит. Все это вслух я, конечно, не сказал. Но немного посидев и помолчав рядом друг с другом, Роберт, неожиданно начал:

— Знаешь, мне страшно.

— Почему?

— Я боюсь, понимаешь? Мне не нравится то к чему это идет.

— Что именно, расскажи.

— Я не могу.

— Почему? А когда сможешь?

— Не знаю. Но сейчас не время.

— Мешает какое-то обстоятельство?

— Ты поймешь, когда я скажу.

— Ладно. Может в немой кадр поиграем?

— О-о-о, Лео, точно, погнали.

— Давай по одному загаданному слову. Но предупреждаю, что слова берем серьезные. Понял? — сказал я, смотря в его красные глаза.

— По одному слову? Мм-м-м... Я первый. Что это?

Он показывал сидящего человека? Смотрел куда-то

вдаль? Его уставшие и большую часть времени тяжело моргающие глаза, пытались выразить грусть? Да. Теперь он сел прямо на ковер, обхватив свои колени. Это было похоже на безнадежность. Если бы в этот момент на нас кто-то обратил более пристальное внимание, он бы тотчас подумал, что Роберту тяжело и все ли с ним вообще в порядке? Он играл завораживающе. Смотрел в потолок как на лунное небо, видимо предаваясь тяжким мыслям в эту очередную летнюю ночь. У меня было минимум соображений. Я сказал, что это был бездомный бродяга, но он лишь повертел головой. А после начал подпрыгивать, размахивая руками в стороны. При этом, черты лица его сделались воодушевленные. Это очень сильно контрастировало с началом этой сцены. Я был на грани ступора. Безнадежно сидящий мужчина или какой-то придворный шут? Что он вообще показывает... Я начал сыпать слова в этом странном направлении. Клоун? Актер? Аниматор? В конце-концов какой-то антонимизм? Грусть и радость? На каждое мое слово этот парень отвечал скрещенными руками. Я не знал как продолжить, это начало нагнетать мою психику и я попытался прибегнуть к техническому поражению. Он снисходительно посмотрел на меня и видимо тоже был не против такого предложения. Как же хорошо, что он не стал ломаться, — подумал я. И выдержав небольшую паузу, он выпалил:

— Эх, не тянешь, не тянешь ты уровень, конечно. И-и-и это был... Робинзон Крузо! Остров, одиночество, печаль и

потом искра надежды от проплывающего мимо судна! Как можно было даже близко не попасть?! Позорище! Ой, ладно, давай, дам шанс сравняться тебе, чтобы не грустил особо.

Он был очень весел. Меня и самого проперало от такой энергетики. Мне уже не хотелось злиться или повышать на него голос из-за такого невозможного для попадания слова. Да, да, это я дал ему такой картбланш, но я не мог предвидеть это... Это была чрезмерно высокая планка. И вдруг, я поймал себя на мысли: "Стоп, он возвращается?". Еще пятнадцать минут назад он затираал про какие-то страхи и вообще о чем-то таком, о чем не может даже сказать. А сейчас он был прежним, свояком. От осознания того, что таким нехитрым способом мне удалось растормашить этого мэна, меня будоражило. Такие моменты в жизни, намного чувственнее всяких там романтических посиделок под дорогущее вино и упаковку конфет, на которые ты потратил все свои карманные деньги, взамен получив лишь пару поцелуев в районе шеи и совместно просмотренное кино, которое зачастую является полным фуфлом. Ведь, ты же не станешь ставить качественную киноленту, зная, что будешь смотреть это с женщиной? Само собой. Ах, точно, а после всего этого, хороший мальчик обязан проводить даму до дома. И тебе очень повезет, если она живет на соседней улице.

— Хорошо сидим, Роб, сегодня — первый класс! Вчера не так, да?

— Да, пойдет-пойдет. Нормально сидим. Ты, это, приду-

мойвай. Я пока чай нам поставлю. Хороший такой, крепкий и без сахара. Щас еще посмотрю, что там есть у Ника. Шоколадные трубочки — это наш минимум, Лео!

Я рассмеялся. Ох, как же он был хорош. Я очень хотел чаю и большой булочки с корицей или маком... Но, я не находил в себе сил для таких движений. Я же не мог расходовать свою ценнейшую энергию на это? Налить воды в чайник, зажечь плиту, достать чашку, найти пакетик чая... И еще с десятков лишних телодвижений. А булочек у Ника, конечно же, не было. А про поход в магазин я даже не заикался. Хорошо, что на такого беднягу как я, нашелся местный Робин Гуд. И я начал думать, пока он шебуршал на кухне. Может аристократ? Хм-м, легко, да. Подожди, а если его же оружием? Какой-нибудь, мм-м-м, "Последний из могикан?" Ха, может вообще Давид? И в моей голове созрел коварнейший план. Я был уверен на все сто, что он не читал это произведение, а если вдруг и слышал, Давид был самым уязвимым, но в то же время, неочевидным местом. Я так и решил, приговаривая: "Если, хочешь что-то спрятать, поставь это на самое видное место". Я уже чувствовал себя победителем и раскинувшись на кресле с широченной улыбкой, ждал Роба.

Напротив меня, раскинулись Тони, перебирающий табак на оторванном листе газеты и Лука обжимавший какую-то девочку, мы даже не знали кто ее позвал. Видимо, ее тоже все устраивало, иначе бы она рванула уже с порога, только окинув взглядом все это безобразие. Ну, а Луке хотелось так-

тильности, он был сам по себе тактильно-инфантильным, так сказать. Один раз, он поставил мне свою песню, конечно, мы были тепленькие, я сказал, что это слишком слащаво. А он посмотрел на меня и выдал: "Ну, да, есть, понимаешь... Я сам по себе такой, слащавый мальчик". Вот это я запомнил хорошо. Это было прямо его настоящей характеристикой. А если, еще прибавить к этой правде, то что мы пыхали и пару раз чертили за этот вечер, можно приблизительно понять какой уровень тактильности сейчас был у Луки.

— Тони, может чайку с нами?

— Чайку? Ну-у, можно.

— Ты, крутись-крутись, самокруточку мне отложи там, а я соображу. Для него можно и напрячься, — с улыбкой подумал я. А давно ли я стал альтруистом? Так, ладно. Пошли, — продолжал я говорить сам с собой.

Добравшись до кухни, я сказал, что нужна третья кружка. Роберт, сидел на табуретке и разговаривал со стоявшим Ником. А Яна сидела на стуле, бесцеремонно закинув ноги на второй. Я понял, что мне необходим перерыв, растрата почти всех сил на этот жизненно важный рывок на кухню, ради еще одной кружки, давала о себе знать. И толкнув ее ноги коленкой, я сел, чтобы перевести дух. Она пихнула меня ногой в бок.

— Ты совсем?

— А то что ты заняла два места, это сойдет?

— Я устала. Отстань от меня, — сказала она, действитель-

но, поникшим голосом.

Я промолчал. И она закинула свои ноги на мои. В этот момент, я обратил внимание, что она была единственным человеком на квартире, который сейчас читал. Это был какой-то заправский женский журналчик, там наверно и читать-то нечего. Но картинки там были улетные, их эстетикой она и наслаждалась. Наверняка, это правда, она выглядела уставшей и черпала новое вдохновение. Я пошлепал ее по ляжке и встал. Чайник только закипел и нужно было немного подождать. В комнату мы вернулись с тремя кружками и той самой шоколадной трубочкой. Однако, в количестве двух штук.

Наладив быт, то есть найдя самое удачное место для кружек, мы вернулись к игре.

— Так, так, так... Из этого раунда ты выберешься только словом "стоп", поверь мне!

— Ой, конечно. Давай уже.

И началась. Игра. Чай. Вброс. Перекур. Потом еще раз. Уже было плевать, что мы хотели сыграть всего по одному слову. Ситуация вела сама и мы лишь не восприпятствовали этому. Еще. И еще.

Медленно запрокинув голову, я присел в вертолет. Зачем я вообще это сделал? Нет. Я не мог выбраться. Это было похоже на утренний полудрем перед учебным днем. С одной стороны, этот вожаденный смак мира грез под теплым одеалом, с другой же -усилие. Усилие, которое ты должен или не

должен? Обязан или нет? Сейчас, все было так же. Я складывал и перемещал образы, даже думал о чем-то. Нужно ли было кому-то это усилие? Черт его знает. Но, я был все же, человеком с большой прочностью. Я же тут вообще за всех отдуваюсь, да?

А помнишь ту самую встречу? И тот самый вопрос, который держит меня за шею до сих пор. Почему я не могу отправиться в вольное путешествие на своей морской волшебнице? Как это обидно, быть по духу, но не быть по обстоятельствам. Один раз он спросил меня:

— А вот ты был бы флибустьером? Как тебе вообще такое течение дел? Жизнь на волоске, все вот это?

— Без сомнений. Там начиналась моя свобода.

— Ты же понимаешь, насколько это опасно?

— Жизнь — опасная вещь, сама по себе. И делать наперекор своей любви... Нет. Никогда. Можно прожить сорок скучнейших лет в своем старом поместье и в один день с лампой в руках покатиться вниз с этой лестницы ведущей в библиотеку. А что же ты успел увидеть? Замкнутый круг маленького человека, не больше. И одно дело, если в этом и есть вся твоя история, здесь мне и добавить нечего, но совсем другое, когда ты откручиваешь тумблер подсознательно. Все равно, что жид, который экономит на всем. Так получается, ты экономишь на своей жизни? Взамен получая хорошую оплеуху от нее? Давай, флаг тебе в руки. А мне подай нефilterованной романтики.

— Ага, то есть, ты согласен, что романтизируешь данное ремесло?

— А ты думаешь, перед тобой сидит шестидесятилетний кандидат физико-математических наук?

— Ой.

— Что, мальчик, штанишки намокли?

— С тобой невозможно вести диалог.

— Стараемся.

Все стало идти на убыль? Мир делает только вид, что... Что-то мне уже... Все. О-о-ох... Надо встать. Ой, как тяжело... Спят что ли все? А сколько времени? Ладно, не буду отвлекаться. Я щас весь холодильник очищу. Нет. Сначала туалет, потом еда.

Раз, два. И я уже мирно посапывал втором заходом. От небольшой ломоты в теле, полет в голове был даже еще приятнее. Перебирая фразы, соображая то, что я хотел бы лицезреть и мечтая о том, что завтра будет еще лучше, я погружался в более глубокий вид сна. Из которого, однако, мне пришлось выбраться:

— Давай, Колян, я погнал.

— Встретимся еще, давай.

Я начал продирать свои сонные глазки. Неторопливо перекатившись и не забыв укрыть спину, я крутил в голове вчерашние мотивы. Голова была — как пустырь. Из нее вынесло почти все, оставив лишь то самое соломенное перекати-поле. То как, Лука, в один момент прилепил жвачку прямо на

кресло, а потом посмотрел на меня и сказал: "Да, нормально-нормально, я думаю Коля не сильно удивится этому. Понимаешь, тут как бы в таком состоянии хата, что ждать от Ника реакции на какую-то жвачку не приходится. Да ты посмотри вокруг, чувак, ха-ха".

Да уж. Он был прав. Если бы это была чистейшая квартира какой-нибудь примерной отличницы-домохозяйки, мало того, что никому и в голову не пришло бы шабить у нее дома, так еще и шутка с жвачкой была бы некрасивой. У Коляна же была подготовленная взлетная полоса. И вообще являясь хозяином, он каким-то чудом всегда оказывался одним из самых удачных летунов. Это даже не везение, я не знаю... Все знали, что главе квартиры делается равноценная, это почти не обсуждалось. Но, когда этот хозяин в полнейшем кикозе, балансируя на еле стоящих ногах, в этой черной шляпе как у Элиса Купера, поднимает всю квартиру на уши, по той причине, что его не подкуривают, оперируя лишь одним аргументом: "Я — хозяин!". Ну, ладно, иногда он говорил еще что-то, например: "Ой, я устал ребят, сделаете мне тоже? Я что-то запарился в последнее время. Смурной я, не видно? Надо отдохнуть, надо". После таких сцен, начинаешь звонко смеяться. Он курил больше всех, при том, что не заплатил ни копейки, так он еще и вывозил это. Вот как ему это удавалось? Быть самым живым и даже глубинным. Настолько, что тебе иногда казалось: "Кто вообще позвал этого мальчика-оторву сюда?". А потом, ты вспоминал, что его никто не

звал и он здесь живет вообще-то. Ник был феноменом... И тут он вырвал меня из мыслей.

— Так, просыпаемся, давай.

— А кто ушел минут двадцать назад?

— Роб.

— Куда... вот, блин.

— Ладно, не плачь, помоги мне убраться чуток.

— Сделаем. Щас только умоюсь и перекурю. А он не ска-
зал куда?

— Не-а. Может по девочкам ходит, Роберт наш.

— Кто? По девочкам? Ага. Сразу же, прям на отходах, вот лежал и видел такой мотив.

— Ха, ну кто его знает.

— Это да. Согласись, что он как-то отдаляется в послед-
нее время?

— Темнит. Я думаю что-то его отвлекает. Ну в плане, по-
явилось что-то такое... Требующее внимания, мыслей, пони-
маешь? Как девушка, но другое. Хотя и девушку исключать
не будем.

— Это очень странно, конечно, но вдруг новые отноше-
ния на него влияют именно так. Настигая перебоями в на-
строении.

— Вариант.

— А Тони ушел?

— Тут, на кухне сидит.

— По-тихому как-то он там. Без движений особо.

— Ну, а как ты хотел.

— Бодрится небось.

— Есть такое, да. А этих попозже разбудим.

— Ага, вот только я не понял, зачем ты меня подтянул?

Мусор подождать не мог? Или тебе там четырех рук мало на кухне?

— Слушай, у меня дела может вечером, я распушу вас где-то к шести. Надо немножко поработать над презентабельностью.

— Ты так и не ответил на вопрос. Тебе вот меня не хватало, да? Вот почему не Яна, например? Или Лука.

— Да-да, тебя не хватало. Пошли.

Оглядев всю квартиру можно было поседеть уже в шестнадцать. Возможно, именно от этого он и спасал будущего гостя или гостью. Я заглянул к Тохе, он завтракал. Пряники и кофе. Спустя минут тридцать, стало пристойнее. Мы всего лишь прошлись по пустым бутылкам, кружкам и тарелкам. Другой уровень! — крикнул Ник, разбудив оставшихся. Мы немного помялись, тоже поели и разъехались по своим ногам.

Неужели, — подумал я. В том месте время летело словно выброшенное слово изо рта, только ты переступал порог и на твоих руках тут же начинали выступать кандалы. Система брала контроль. Конечно, тебе кажется, что это твой заслуженный отдых и в конце-концов ты все держишь в узде, ведь ты серьезный парень, не так ли? И вообще, зачем бес-

почвенно загонять себя, да? Но даже, когда ты понимал, что это фальш, то есть, ловил себя же с поличным, ты не мог ничего сделать. Путей решения практически не было. Ты говорил себе, что делаешь дрянь, говорил себе, что ты не нарик, что это последний раз и все в таком духе. А потом жал руки пацанам и улыбался во все тридцать два зуба. Потому что, то был максимум. Пару дешевых фраз, да и все. Они будто выкинуты голыми на мороз.

Мой телефон был разряжен и я искал часы по дороге домой, я даже знал где они точно есть. Потом меня осенило, я бы все равно не узнал какой сегодня день недели или число. Эх. Оставалось проявить коммуникацию. То, что я недолюбливал. Для начала, нужно было выбрать правильного человека. К первому встречному, я бы ни за что не подошел. Принципы, идеи. Бабушки и дедушки мне не подходили. Семьянины — точно нет. Какие-нибудь дамы, которых я считал банальными, уже только по их внешнему виду — отметились. Прическа, макияж, шмотки. Эффект трафарета. Все одевались как одна, а та самая одна одевалась как все. Такое ощущение, что они даже не смотрят друг на друга и пытаются выделиться, еще больше закапывают себя в этой серой массе. Потому что в них нет драйва, это сразу чувствуется. Все они рисованные, не больше. Что же насчет мужчин, само собой мимо летели офисные бедолаги, в синих или белых рубашках и с черным портфелем в руках. На лице их проступали струйки пота, частенько на носу болтались очки, а ще-

тина была начисто выбрита. Это был полный набор. Полный набор неудачника. Перейдя очередной светофор, приближающий меня к дому, я увидел заметную фигуру на автобусной остановке. Вот это мое — подумал я, и начал двигаться к нему. Средний возраст, кожаная куртка, небрежная щетина, сигарета, хорошие туфли и ковбойские джинсы. Что он тут забыл... Точно шериф, не хватает кобуры только.

— Извините, не подскажите какой сегодня день?

— День... День недели? Да. Суббота, — сказал он через вылетавшее облако дыма.

— Ага, спасибо.

Неплохо, конечно, неплохо, почти трое суток. Ладно, я все держал на виду, если бы что-то пошло не по плану, я бы среагировал, думаю, наверняка. Все-таки, как ни крути, я тут с самой спокойной головой и холодным взглядом... И под такие хвальбы в свой адрес, от самого же себя, я доковылял до своей улицы.

Все по старой. Те же тропинки, та же листва, те же окна. С другой стороны... А что могло бы меня удивить? Я грузился не по теме. И все же здравая мысль не обошла меня стороной. Нужно хорошенько покушать. Но есть ли что-то дома? Я резко остановился и задумался, очень глубоко задумался. Ведь подниматься наугад было как-то глупо. А идти в магазин, имея что-то дома, для меня было странно... Полный просак. Зато это был отличный повод достать сигарету. Шас пойдет процесс — с настроением человека знающего, что сей-

час будет, пробормотал я. Заняв одну из двух скамеек возле дома, я погрузился в воспоминания. По крайней мере, я пытался это сделать. Но то и дело все сводилось к зрительному контакту... Я думал и... перед собой видел этот прекрасный августовский вечер. Ветер, который дул только мне... Деревья, которые качались только для того, чтобы их можно было созерцать. Между тем я смотрел на зевак, редко проходивших мимо. Зачем? Сам не знаю. Это было чуточку забавно. Я невольно возвращался во вчерашний день и вспоминал тот чай с шоколадной трубочкой. Хорошо дали, конечно, ничего не скажешь. И вот что-то начало прорисовываться. С этой мысли я перескочил на позавчерашний день. Так-с, угу, та самая шлифовка... Да уж, кто тогда мог подумать, что она будет лишней? Только самый нудный перестраховщик. Таких, конечно, не нашлось. А до шлифовки? И вообще этого пропащего дня? Как же мы пришли к тому, что имели тогда? Ну, конечно! До этого был разминочный день. Его можно назвать как угодно, главное, что он был самой первой ступенью. Так вот, а чем же я завтракал в тот разгоночный день? Я пустился в бег за нитью игры, за чем-то эфемерным, я был у самого конца, но нахрапом дать ответ так и не удалось. То могла быть каша или яйца. Кофе с булочкой, хоть творог с изюмом. Все это не давало ясности, я не мог вспомнить намека на более тяжеловесную пищу. Ведь, не буду же я сейчас надеяться на изюм? Осознав это, я встал и поплелся в заправский магазин продуктов, от посещения которого не по-

лучал никакого удовольствия.

Даже больше, меня душило такое пространство. Но здесь я был заложником, полностью избегать такие места не выйдет. Точнее, временно — вполне, но никак не зарекаясь. Это было что-то похожее на тесный круг сокамерников в местах лишения свободы. Насколько бы твоя ненависть к определенному человеку не была велика, у тебя просто нет выбора. Ты живешь вместе, вот и все, без лишних вопросов. Яд — это не то к чему вы стремитесь там. А твои мысли — твой же груз. То есть, если хочешь — отравляй себя сам, без проблем. Видимо именно этим я и занимался. Когда ты понимаешь, что ни одна кассирша не грузится даже на одну сотую от твоего напряжения, ты все равно не можешь что-то изменить, это необъяснимо. Кто-то нервный, кто-то язвительный, кто-то смурной как туча... Какой-то дед проскользнет вперед и ты будешь тащиться за ним, без возможности обогнать его. Какая-то бабка будет пятнадцать минут перебирать картошку, заставляя тебя слоняться в муках ожидания. Кто-то поставит продуктовую тележку так, чтобы ты не мог пройти, кто-то обязательно будет стоять над душой, всем видом показывая, что ему тоже нужно посмотреть или пощупать именно тот товар, который заинтересовал тебя. И это даже не четверть тех вещей, которые меня раздражают в этой процессии. Ты просто очередной мальчик покупающий пиво, десяток яиц, макароны или халву, почему нет? А вот и нет! Чувствуй себя в проигранной игре, чувствуй себя в том

месте, в котором хочется бывать как можно реже.

Касса. Гречка, молоко, сухари к чаю, два килограмма картошки, собственно все. На такие вещи, денег я выделял немного. Даже, если бы у меня были золотые прииски... Все-го лишь топливо, ну а как? Я похож на чревоугодника? Нет, я занимал противостоящую позицию и старался придерживаться ее во всем. Да, иногда я давал себе спуск, это не наказуемо. Пошиковать чем-то вкусненьким в холодильнике или оттянуться с ребятами, не жлобясь за каждую сотню, купить себе свитер, может брюки, поднять свое чертово настроение, но... Вопрос денег — оковы для творца. Я не хочу об этом думать. Сегодня они были — отлично, я откладывал их на завтра. Завтра они естественно были и при возможности я откладывал их еще на день. Иллюзия того, что я не живу одним днем. Какая вообще разница? Мне было удобно, именно такой способ не давил на голову. Я мог спокойно поваляться на кровати с книжкой дня три, четыре и потом за день потратить ту сумму, которую люди тратили за эти четыре дня активной жизнедеятельности. Это были обыденные вещи, я не утруждал себя. Да, деньгам было почти неоткуда взяться, но я ни за что не признаю, что я зависел от них. Это ложь. Так будет думать каждый кто посмотрит на эту ситуацию со стороны, но: "Я двигаюсь именно так, мне это нравится и ничего менять я не собираюсь. Бумажки — твой верх? Держись от меня подальше. Собери пирамиду из золотых слитков и сядь петушком на самом ее верху. А я буду жить, жить с ши-

роким шагом, со вздохом свободы...". Я всегда думал о этой великой разнице и всегда был горд собой, что я не запал на это дерьмо, что я что-то понимаю. Да, я делал много дурацких вещей, а... как иначе? Как еще можно притупить хоть на время эту боль? Боль от ощущения неясности? От мыслей, которыми меня наделил сам Господь. Почему вы так нетерпеливы, кущи мои? Почему же я так отрезан от этого пласта? В чем моя задача? Как подступиться к ее решению? И как я вообще мог попасть на эту Землю? Ты думаешь, мое место было здесь? Это было вопреки. К горлу подступил ком. Вопреки бездельничеству? Или вопреки своему предназначению? А может свобода и была тем самым пятнышком? Которое способно меня зацепить, которое каждый день вдыхает в меня новую порцию надежд, идей и амбиций? Я же ее добился, правильно? Я же пришел к ней? К этой свободе... Даже не заметив как я зашел домой, я сразу достал и наварил, оба плотно. Осталось еще на один хороший... или два разминочных. В комнате повис удушливый и омерзительный запах, но мне было фиолетово.

Это было жалко. Я сидел на диване, приглушив свет и оставив только включенную бра за моей спиной. Окно было открыто, штора оттянута. Моя челюсть сжалась, уголки рта смотрели явно вниз, я был просто жалок. Осознание этого, не давало ничего. Да, ты понимаешь это, ты же знаешь себя, смотрелся в зеркале и даже без камеры напротив можешь сказать, что сейчас похож на потерянного, никчемно-

го странника. Потерявшего всякий смысл, потерявшего главное... Веру. Мне не хотелось ругать себя или ругать кого-то другого, зачем? Искать виновного в своем окружении? Глупо, парень. Я всегда считал, что человек, он делает себя сам. Я умру с этой догмой. На тебя могут вылить сотни литров отборного шлака, но только тебе решать как поступить или как развидеть. И также на тебя могут высыпать тонны знаний, любви, красоты, чего-то светлого и доброго, итог все тот же: хочешь — делаешь, борешься, осознаешь. Не хочешь или делаешь вид, что не замечаешь — все это бесполезно, все это идет прахом. Вина не на обществе, вина на твоей слабости. И поступая неправильно, возможно, отравляя свою жизнь, задай себе вопрос: "Я слаб? Почему я дал трещину? Почему этот мусор перевесил? Перевесил мои устои, мои ценности, мою принципиальность?". Если ты что-то имел внутри себя то тебе станет стыдно и больно. Наверное, как и мне сейчас, просто я оттягиваю момент, стараясь дать себе каплю спокойствия. Ведь смешно, когда свободолюбивый человек, начинает себя корить. Это случалось многократно, но не сегодня, дайте мне выдохнуть, дайте просто насладиться этим коротким и таким сладким вечером. Возвращаясь к точке невозврата, если у тебя внутри пустота, то это жизнь. Ее не поменять. Если ты падок, если нет этого зазора, если нечего предложить искушению, то все идет своим чередом, ты там где надо, поверь. Только больно иногда, да и не только тебе, окружающим тоже... Но не пытайся себя обмануть. Если ты

раздвигашь ноги в первый день знакомства, что у тебя в голове, дорогуша? Я отвечу, — страсть. А если ты загоняешь в вену без задних мыслей? Ну-ка, скажи. Тоже — страсть. Что же кроется за этим томным словом? Видно вожеление, видно что-то очень притягательное, что способно тебя заинтересовать до такой степени, что ты готова на все. Стирается грань, стирается внутреннее слово. Твое сердце бьется так, словно до этого ты жила, только ради того, чтобы дожить до этой минуты. Ха, как же... Как же это романтизировано? Не правда? Ноги аж дрожат, когда берешь иглу в руки, но почему? Потому что, ты осознаешь, что тебя ждет и с этим очень трудно тягаться. Ты берешь выше, потому что границ нет, потому что тебя хочется выше. Страсть. Но, не слабость ли это? Когда думаю об этом, меня словно нет. Совсем без чувств, совсем без эмоций. Что за... почему так больно? Почему жизнь так груба? Делать сухо, — значит быть мертвяком. Делать страстно, — значит быть падким, быть слабаком?... Пошло оно все. Я взял недокуренную сигарету, снова ее поджег и высунулся из окна.

Я смотрел на улицу в последний раз. Конечно, нет, но мои чувства подсказывали мне именно это. Воздух... так манит, да? Такой свежий... А сигарета идет так медленно... Слушай, а вот если всегда ее делить, то в пачке сорок получится? И правда, сорок значит... А вот, когда дома куришь, грамотнее подкуриться у кухонной плиты? Или тратить зажигалку? А картошка... Может пойти щас почистить? Помню прошлый

новый год у Луки отмечали, ох, что же это было. Ничего выдающегося на первый взгляд, но чувства, комфорт... помню как вчера. Лука, Лия и я. Мы сидели без света, только лунный. Дверь балкона была чуть приоткрыта. Температура была идеальной. Я был в полном вожделении, знал почему, знал как именно, но не додумался сказать. Я катал эту мысль где-то рядом, очень близко, но ее то и дело заслоняла другая, более простая, обычная... И Лука сломал эту игру, его вопрос был точен как часы моряка. Откуда ты это знал? Именно этот вопрос... как? Он спросил за атмосферу. И это далеко не банальность, он именно попал, я уверен. Это видно даже по его дальнейшей реакции. Я восторженно, ключик был найден. Утверждение вышло из тени, вышло прямо из моей сущности. Я сказал, что все просто великолепно, что мне очень трудно представить как это функционирует. Кто все это подогнал под нас? Это же что-то очень чувственное, даже интимное. Но мы ничего не говорили, не делали, тогда как? Да, я первый раз у тебя в гостях, но вот так, чтобы... Лука искренне улыбнулся и с довольным видом, сказал: "Да, чувак, это оно. А знаешь как? Когда мы поднялись первый раз, чтобы дать первую, то я заметил, что в квартире душно и перед выходом приоткрыл дверцу балкона. И вот он, так называемый отложенный эффект. Пока мы гуляли и ждали Лию, все дошло до идеальной кондиции". Дальше оцепенение. Издается что ли? — подумал я. Неужели, такая мелочь — играла такую серьезную роль? Это было сложно соотнести. Но

в ту ночь, я понял одну фундаментальную вещь. Домашний уклад — отражение внутренних устоев. Да, может и не всегда, но в случае с моими друзьями это работало. Колян — это взбалмошность, открытость, готовность на все, человек без тормозов. Примерно такой же была и его квартира. Лука — это внешнее спокойствие, очень тонкий юмор и некая лисья хитрость. В точку. Все это перед глазами стоит... Темная гостинная, прозрачный стакан с яблочным соком, большая двуспальная кровать, такой же телевизор, подоконник, ваза с водой и бутылкой в ней. И та самая, методично приоткрытая дверца балкона. Движение, которое он сделал три часа назад, когда мы зашли сюда первый раз. У этого парня все схвачено, да ну, в новогоднюю ночь по-другому и нельзя.

Кстати, Лия, была классной девчонкой. Помню, когда мы проголодались, то все же решили сходить до единственного ближайшего круглосуточного магазина. Хотя, мы лишь предполагали, что этот магазин будет открыт в новогоднюю ночь. Угадали. Даже не знаю, с каким настроением мы бы ползли обратно, если бы он был закрыт. На таких ватных ногах и мыслях, а еще и голодные... Так вот. Прямо перед выходом из дома, Лия пыталась уговорить нас, что никуда идти не нужно и она сейчас приготовит что-то, мы с Лукой переглянулись и просто заржали как кони:

— Что у тебя там есть? — спросила Лия.

— Готового ничего, я утром супчик доел. Крупы есть какие-то. Но... Ты уверена, что собираешься сейчас готовить?

— Да, почему нет? Если есть рис или макаронки, такое вам заделаю.

— Да ну.

— Так, подожди, это же вообще что-то выбивающееся. Как ты щас будешь готовить? Это часа полтора не меньше, — прозвучал мой голос разумности.

— Все, все, пошли. Не хотите — не надо.

С одной стороны, я хотел, даже очень. Но это сон... Мы сидим с Лукой за кухонным столом и что-то обсуждаем, а рядом готовит Лия... А потом, мы бы все сели и слопали этот рис до последней ложки... Почти без шансов на реализацию в жизни. Я даже жалею, что мы так быстро отмели такую затею тогда. Я понимал, что мы теряем, но здравый смысл не поддался чувствам. Проще было доковылять до магазина, купить что-то готовое и просто закинуть в микроволновку. А потом... сидеть и лопать, штучка за штучкой, медленно и чувственно... Нет! Так нельзя. Обещаю себе, что однажды этот сон сбудется! Он дивен. И ради него можно напрячься, подождать и даже помыть тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.